

DOI: 10.17976/jpps/2017.01.05

РОССИЙСКАЯ МНОГОПАРТИЙНОСТЬ: КОЛЫБЕЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ИЛИ МОГИЛА ИМПЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ?

П.П. Марченя

МАРЧЕНЯ Павел Петрович, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета. Для связи с автором: marchenyap@mail.ru

Марченя П.П. Российская многопартийность: колыбель гражданского общества или могила имперской государственности? – Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 41-52. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.05>

Статья поступила в редакцию: 14.09.2016. Принята к печати: 23.10.2016

Аннотация. Роль многопартийности в контексте российских смут как системных кризисов Империи является одной из ключевых проблем для понимания механизмов разрушения имперской государственности России, случившейся дважды в прошлом веке. В статье критическому рассмотрению подвергаются теоретические положения о том, что: 1) многопартийность выступает универсальным конструктивным фактором развития гражданского общества; 2) отношение масс к партиям определяется соответствием партийных программ их интересам; 3) межпартийное соперничество в России осуществляется в сфере рациональной публичной политики. Эти положения опровергаются отечественной практикой: 1) российская многопартийность стала одним из факторов катастрофического порядка, сыграла важную роль в драматическом крахе Российской и Советской империй; 2) партийные программы в России не читались и не читаются; 3) реальная борьба партий и конкуренция “исторических альтернатив” осуществляется в далеком от рациональности массовом сознании, актуальное состояние которого всякий раз оказывается доминирующим фактором политической истории российских смут. “Империя” рассматривается как особая, адекватная массовому сознанию форма единения власти и масс, а “Смута” – как временная деструктуризация системы взаимодействия власти и масс Империи, вызванная угрозой прерывания исторической преемственности государственных императивов и цивилизационной идентичности. Выделяются и сравниваются три “волны” российской многопартийности: 1) начало XX в.; 2) конец XX в. 3) начало XXI в. Первые два варианта многопартийности анализируются в контексте их роли в гибели исторически сложившихся империй. Современный этап интерпретируется в контексте противоположных исторических тенденций как наименее губительный в сложившейся ситуации.

Ключевые слова: российская многопартийность; российские кризисы; российские революции; политические партии; смута; империя; массы; массовое сознание.

Проблема осмысления места и роли отечественной многопартийности в контексте системных кризисов России является одной из ключевых для современного проективного осознания, пытающегося осознать случайности и закономерности кризисного ритма российской истории. Дважды за одно столетие ее имперская государственность оказалась разрушенной. А отношение к проблеме формирования многопартийности в известном смысле можно считать мерой понимания России и своеобразным индикатором размежевания ее политического экспертного сообщества (да и самого общества в целом) на “две России”. Одни продолжают искать для страны свой путь и видят в многопартийности трагиче-

скую разорванность социального целого на противоречивые части¹, симптом распада связи времен, угрозу прерывания исторической преемственности и утраты цивилизационной идентичности. Другие, опираясь на заемный опыт, уповают на преобразование России, полагая наличие многопартийной политической системы неперемнным залогом цивилизованного развития.

Симптоматично, что значительная часть российского экспертного сообщества вопрос о том, является ли отечественная многопартийность злом или благом, вообще не считает нужным обсуждать, рассматривая второй вариант то ли как уже доказанный, то ли как не нуждающийся в доказательствах — то есть, по сути, как аксиоматичный и безальтернативный. Например, на “круглом столе” журнала “Политическая экспертиза” в 2005 г. “Многопартийность в России: зло или благо” (автором такой постановки проблемы выступил политический и партийный деятель С.М. Миронов) ведущий “стола” политолог В.А. Ачкасов категорически отмежевался от такой формулировки, еще до начала обсуждения заявив, что “для большинства из нас дилеммы нет, так как многопартийность — это, естественно, благо” [Многопартийность... 2005: 142]. Никаких принципиальных возражений от участников не прозвучало: в последовавшей критике российской политической системы вообще и партийной системы в частности, было сказано (в выступлении С.Г. Корконосенко), в том числе, что “у известных в России партий статистически поддержки нет, опоры на социальные движения нет, с идеологией, в общем-то, тоже не все понятно, о неизвестных партиях просто вообще ничего говорить не приходится” [там же: 161]; что в России не только “нет демократии” (в выступлении В.А. Гуторова) [там же: 152], но и “самое главное — партий нет”, да и вообще нет самой многопартийности, а есть только “маска многопартийности” (в выступлении В.В. Крамника) [там же: 161, 162] и т.д., и т.п. — однако вопрос, вынесенный в заглавие “круглого стола”, не обсуждался.

Можно выделить несколько методологических мифов, которые лежат в основе многих исследований политических партий в России², но не подтверждаются отечественным историческим опытом и даже прямо ему противоречат. Назовем три базовых партологических мифа, которые, неявно диктуя теоретический мейнстрим в изучении российской многопартийности, сами крайне редко становятся предметом теоретической рефлексии.

Во-первых, это априорное убеждение значительной части исследователей в том, что наличие многопартийности — это, по крайней мере “в теории”, — безусловно конструктивный фактор развития гражданского общества [см. напр. Коргунюк, Заславский 1996; Стенограмма... 2005; Рединская 2006; Муштук 2014; и др.]. Однако подобное положение — всего лишь *гипотеза*. Применительно к России эта гипотеза *антиаприорна*, ибо прямо противоречит существующему опыту. Собственно говоря, у нас было два кратких эпизода функционирования многопартийности — той, которая формировалась в начале XX в., накануне и в момент краха Российской империи, сопровождаемая множественными со-

¹ И англ. *party*, и фр. *partie* образованы от лат. *pars* (часть, доля, сторона...) (в род. п. *partis*), которое, в свою очередь, происходит от лат. *partire* (делить, разделять, разъединять, дробить, раскалывать...), поэтому этимологически “многопартийность” как раз и есть не что иное, как раздробленность, расколотовость, разбедненность на множество частей, долей, сторон...

² Подробнее см.: [Марченя 2008], а также другие публикации автора и научный проект “Народ и власть” на сайте “Соционет”. Доступ: <https://socionet.ru/collection.xml?h=repec:rus:tqtuvj> (проверено 17.12.2016). О методологических традициях и новациях в исследованиях российской многопартийности см. напр. [Данилов 2006].

циальными катаклизмами; а также той, что складывалась ближе к его концу, на фоне развала теперь уже Советской империи, со всеми сопутствующими катастрофическими последствиями. Если опираться на этот опыт, такая гипотеза никакой критики не выдерживает: становление многопартийности сыграло крайне негативную роль в истории и Российской, и Советской империй. Поэтому представление о том, что создание и развитие многопартийности действительно необходимо для нашего общества (как и для любого общества, независимо от его социокультурных особенностей и конкретно-исторической практики), никак не может считаться доказанным — и требует серьезного научного обсуждения.

Во-вторых, практикой не подтверждается и представление о том, что отечественный электорат (или хотя бы его статистически значимая часть) определяет свое отношение к политическим партиям посредством изучения программных партийных документов и их предметного сопоставления со своими так наз. объективными интересами. Не подтверждается и то, что этими интересами обуславливаются популярность и успешность той или иной партии в политике [см. Марченя 2008]. Однако партийные программы в России читают разве что их авторы и те, кому по службе положено. Успешность политической силы определяется отнюдь не содержанием программных документов. Это просто распространенный миф, который сказывается на ценности соответствующих исследований. При этом тема *идеологического* и тем более *психологического* соответствия *политических партий* России пресловутым *народным массам* — и, соответственно, вопрос об органической совместимости “российских политиков” и “россиян” — оказывается на обочине актуального интереса партологов, попавших в плен этого мифа.

В-третьих, базирующаяся на первых двух мифах *уверенность* (либо попытка *уверить* аудиторию) в том, что межпартийное соперничество в России разворачивается в сфере *рациональной публичной политики*, а его реальная эффективность имеет прямую корреляцию как с провозглашаемыми партиями целями, так и потребностями общества и его значимых референтных групп, также оказывается мифом. Специалисты без труда укажут в качестве приоритетных иные факторы, влияющие на результативность политических сил в России.

Таким образом, не будет большим преувеличением утверждать, что эти методологические мифы малоприменимы (во всяком случае, пока) к исследованиям российской политической действительности и так наз. российской многопартийности.

Российская многопартийность для нашего общества и государства стала одним из факторов катастрофического порядка, действующим началом общественной Смуты, сыгравшим не последнюю роль в трагическом конце и Российской империи 1917 г., и Советской империи рубежа 1980-1990-х годов. В ситуациях реального исторического выбора действительная (не имитационная) борьба политических партий и конкуренция стоящих за ними исторических альтернатив осуществляется в далеком от рациональной политики массовом сознании. Именно оно является не только фоном и ареной этой борьбы, но и главным, подлинным ее мериллом. Именно здесь и определяются победители и побежденные, причем отнюдь не по тем основаниям, которые некоторые (увы, многие) исследователи пытаются найти, штудирова “горы” партийной документации...

* * *

Кратко проиллюстрируем сказанное на материалах 1917-го — парадигмального для новейшей истории России года, спрессовавшего в себе эпохальные

пласты общего пути всего “Русского мира”. В этом году сошлись и обвал многовековой самодержавно-монархической системы взаимодействия власти и общества, и опыт установления “самой демократической в мире демократии”, а также крах этой попытки, с последующим периодом торжества анархии и охлократии, и опыт путча “справа” и установление диктатуры “слева”. Тогда для более 280 политических партий различного масштаба [см. напр. Политические партии... 1996] историей был предоставлен уникальный шанс реализовать свой потенциал и на практике доказать правоту исповедуемых теорий.

В период от Февраля до Октября в борьбе за этот шанс реально смогли соперничать лишь четыре общероссийские политические силы, представлявшие основные партийно-политические альтернативы, от отношения к которым со стороны широких масс, собственно, и зависела судьба недоношенной “Февральской демократии”. Это, “справа налево”: либерализм (кадеты), социал-демократия (меньшевики), неонародничество (эсеры) и радикальный социализм – коммунизм (большевики). Именно “их взаимодействием определялся общий градус революции, существовавшие вокруг них гравитационные поля втягивали многочисленные и промежуточные партии” [Протасов 1997: 32].

В то “Новейшее Смутное время” в Державе, внезапно оставшейся без Самодержца “на переправе” между Традицией и Модерном, в условиях беспрецедентного резонанса грандиозных социальных катаклизмов (модернизации, мировой войны, смуты, революции, массового идейно-ценностного и психологического шока, потери “почвы” и тотального кризиса идентичности), все эти партийно-политические альтернативы, участвовавшие в стихийно образовавшемся историческом конкурсе “соревнующихся невозможностей” (W. Rosenberg, O. Ken) [Critical Companion... 1997: 30; Кен 2002: 76-81], были, в той или иной степени, утопическими. Но большевизму удалось неожиданно превратиться из полумифического и полуполициального аутсайдера политической истории России в ее реального и единственного фаворита (большевики “...оказались у ‘кассы истории’. И взяли ее...” [Пивоваров 2009: 37]). И сегодня, почти столетие спустя, случайность или закономерность победы именно большевиков в том состязании утопий остается предметом дискуссий и важнейшим демаркатором российского общества перед вызовами современности, имеющими явные параллели с выбором пути столетней давности.

Февраль 1917 г., казалось бы, стал “звездным часом” российской многопартийности, однако история судила иначе: процессы взаимодействия политических партий и народных масс оказались весьма далеки от рациональных схем и линейных последовательностей. И изучение партийных программ мало чем способно помочь в понимании нелинейной логики хода и исхода межпартийной борьбы за массы. По свидетельству В.А. Маклакова, “...политическая сила каждой партии не в числе ее записанных членов, а в доверии, которое она внушает непартийной, т.е. *обывательской* массе. Это доверие основывается не на программе, не на резолюциях съездов, которыми интересуется только партийная пресса, а на самостоятельном суждении, которое составляет себе о партии *обыватель*. Оно часто не совпадает ни с мнением, которое имеет о себе партия, ни с тем, которое она о себе стремится внушить” [Российские либералы... 1996: 253]. Сказанное относится не только к широким “темным” массам, но и к “просвещенной” российской интеллигенции. Как, например, откровенно сформулировал Ф.Н. Плевако, вступая в партию: “Программа мне не интересна, это предисловие к книге. Кто его читает?..” [там же]. А вот как еще до разгула Смуты описывал “причины”

и “осознанность” личного партийно-политического выбора один из умнейших людей своего времени В.В. Розанов: “Подавайте, Василий Васильевич, за октябристов, — кричал Боря, попыхивая трубочкой. — Твои октябристы, Боря, болваны: но так как у жены твоей у-ди-ви-тельные плечи, а сестра твоя целомудренна и неприступна, то я подам за октябристов. И подал за них (в 3-ю Думу): так как квартиры д-ра Соколова (старшина эсдеков в СПб., где-то на Греческом проспекте) не мог найти, а проклятый ‘бюллетень’, конечно, потерял в тот же день, как получил” [Розанов 1990: 235].

Еще раз подчеркнем, что речь идет о выборе, сделанном в относительно спокойный, дореволюционный период. Понятно, что в революционной многоголосице постфевральских партийных речей определиться со своими политическими симпатиями путем изучения партийных документов и прессы неискушенному российскому избирателю было тем более непросто. Еще важнее, что и сами партийные деятели зачастую принципиально не интересовались текстами партийных программ. А.Ф. Керенский сознавался в воспоминаниях: “Было очень утомительно выслушивать нескончаемые обсуждения научных и совершенно нежизнеспособных программ. Я всеми силами этого избегал... В тот момент меня меньше всего интересовали политические программы. Я был слишком захвачен грандиозной таинственной неизвестностью, к которой нас неудержимо влек головокружительный ход событий. И говорил себе, что ни программы, ни дискуссии не ускорят грядущего и не отменят случившегося. Революцию порождает не только мысль, она проистекает из самых глубин человеческих душ и сознания. И действительно, все проекты, программы, теории были отброшены и забыты, прежде чем их успели практически воплотить авторы, которые двинулись дальше диаметрально противоположным путем” [Керенский 2005: 37].

Таких примеров можно привести множество, важно другое: если программы партий не читались людьми блестяще образованными и партийными, то чего же было ожидать от безграмотных и беспартийных крестьян, солдат и рабочих (тем паче от крестьянок, солдаток и работниц!), впервые призванных к участию в политике, о которой они имели самое смутное представление? Как уже было отмечено, судьбы партий вершились в массовом сознании, матрицей которого было бесконечно далекое от партийных доктрин, уставов и программ сознание крестьянское, ставшее безусловной доминантой всей Русской революции [см. Марченя 2015]. И в условиях Империи как особой, адекватной массовому сознанию формы единения власти и масс [см. Марченя 2010] — российская многопартийность была не чем иным как актором Смуты — временной деструктуризации системы взаимодействия власти и масс Империи, вызванной угрозой прерывания исторической преемственности государственных императивов и цивилизационной идентичности.

Многопартийность разжигала конфликт идентичностей в массовом сознании, активировала архаичные коды “свой — чужой”, “мы — они” — и неминуемый перенос акцента на “они-группы” лишь разжигал политические антипатии [см. Чугров 1993: 12-13]. Даже наименее проникательные из партийно-правительственных “вождей” Февраля запоздало признали, что “там, где ‘партийные интересы’ не уступают дороги интересам общественным и национальным, нечего ждать ни цивилизации, ни реального прогресса” [Керенский 2005: 370].

Приведем любопытную цитату В.В. Розанова о роли многопартийности: “Явно, что когда лично и персонально все партии сольются ‘в одной душе’ — не

для чего им быть и как *партиям* в *противолежании* и в *споре*... Партии исчезнут. А когда исчезнет их сумма — исчезнет и политика, как *спор*, *вражда*. Конечно, останется ‘управление’, останется ‘ход дел’, — но лишь в *эмпиризме* своем: ‘вот — *факт*’, ‘потому что он — *нужен*’... Без всяких переходов в теорию и общую страсть... <...> Но ‘переспорить’ всех политиков решительно невозможно — такая порода. Нужно со всеми ими — *согласиться!*” [Розанов 1990: 435].

Если очень коротко [подр. см. Марченя 2008], то победу большевиков над остальными партиями и последующую ликвидацию победителями скомпрометировавшей себя российской многопартийности можно объяснить следующим образом.

С идеологической точки зрения, успешность партий определялась наличием либо отсутствием идеологем, лозунгов, слоганов, символов, созвучных массовому сознанию; с психологической точки зрения — типом политического темперамента, силой политической воли, определенным поведенческим модусом, общим стилем позиционирования, внешним видом, наконец, которые вызывали те или иные отклики в массовом сознании. Или конкретным имиджем партии, который складывался в массовом сознании вне всякой зависимости от партийной документации. Причем эффективность партийной пропаганды и борьбы за массы в целом определялась не столько даже качеством выражения группового сознания, сколько способностью “цеплять” коллективное бессознательное, вступать с ним в резонанс.

Кадеты, “скромно” называя себя “Партией Народной Свободы”, с самим народом и его пониманием “свободы” не имели ничего общего. Практически все кабинетные ценности либералов находились в вопиющем диссонансе с базовыми установками массового (крестьянского) сознания, образуя прямо-таки хрестоматийную, образцово-показательную систему бинарных оппозиций по схеме “свой — чужой” [см. Марченя 2010: 92]. Вся “партийная линия” “демократов без демократии” фактически сводилась к антиисторической попытке искусственно, без соответствующего идеологического и психологического обеспечения, трансплантировать западнические ценности в исторически чуждую им почву. Оказавшись перед необходимостью реального осуществления государственной власти, борцы за “народную свободу” обнаружили “вдруг”, что народ России для их идей “недостаточно хорош”. Элементарное непонимание массами смысла кадетских речей, усугубляемое “антибуржуйской” пропагандой практически всех остальных партий, также способствовало тому, что бессознательно-доверчивое отношение масс сменилось жадной расправы над “врагами народа”. “Партия Народной Свободы” сама позиционировала себя так, что в условиях “народной свободы” стала безнадежно чуждой народу и его историческому времени. Выступая за “правовое государство”, либералы показали себя абсолютно не способными править (применить право). Полагая себя творцами Великой Русской Революции, кадеты в рекордные сроки оказались в глазах народа ее “слепыми поводырями”, самозванно узурпировавшими место Царя-батюшки “временщиками”, и, в конце концов, “повинными в смуте оборотнями”. Даже сочувствовавший конституционно-демократической партии Н.А. Бердяев справедливо констатировал: “...партия эта не имеет в себе национальной сущности и лишена народного базиса” [Бердяев 2007: 659].

Меньшевики, также излишней скромностью (не путать с “властебоязнью”) не страдавшие, позиционируя себя в качестве единственного подлинного выразите-

ля интересов пролетариата, на деле прятались за спину его антагониста — буржуазии, и по всем принципиальным вопросам склонны были к капитуляции перед чуждыми им по стратегическим целям либералами [Бакулин 2004]. И в “вопросе о земле”, и в “вопросе о мире”, и в других острейших вопросах страны они, как и их либеральные “союзники”, демонстрировали позицию, “страшно далекую от народа”. Не имея собственной политической воли, они призывали все “демократические силы” к единству, но даже между собой были согласны разве только в том, что “меньшевизм лучше большевизма”. Считая себя “мозгом революционной демократии”, они беззастенчиво объявляли “аморальным классом” абсолютное большинство демоса — крестьянство [см. Марченя 2008: 91]. Заявляя о неготовности сермяжной российской “азиатчины” к осуществлению “светлых европейских идеалов”, догматически зашоренные социал-демократы, по сути, сами вытолкнули себя на обочину продолжающейся российской истории.

Эсеры, вопреки расхожему мнению, не представляли собой “демократической альтернативы” большевизму. Партия социалистов-революционеров не являлась ни демократической (так как в решающий час отказалась взять на себя ответственность за проведение в жизнь воли демоса), ни реально альтернативной (так как вела себя неадекватно массовому / крестьянскому сознанию). Эсеры, формально сохраняя имидж крестьянофилов, на деле уступили идейно-институциональное лидерство меньшевикам (крестьянофобам). И идеологически, и психологически эсеры не выдерживали конкуренции с большевиками. Как не без риторического изящества сформулировал Ю.С. Пивоваров, в 1917 г. эсеры “показали себя политиками весьма жалкими... и столь же неожиданно срачковитыми...” [Пивоваров 2009: 24]. Будучи партией протеста, неонародники вообще никогда не были конструктивной политической силой и всем своим политическим капиталом были обязаны крестьянскому лозунгу “Земля и Воля”. Но именно тогда, когда этот лозунг стал претворяться крестьянами на практике, вместо его решительной поддержки они заговорили о допустимости решения подобных вопросов исключительно “конституционным путем”. Фактически эсеры сами сдали конкурентам свои лозунги вместе со своей социальной базой. Так неонародники остались без народа — и оказались партией, не нужной ни крестьянству, ни красным, ни белым [подр. см. Марченя 2013].

Большевики, провозглашая ненависть к Самодержавию, на практике заняли его историческое место в массовом сознании и преемственно продолжили его имперскую миссию. Декларируя интернационализм, они уловили целый ряд имперско-архетипических установок, сохранили государственную целостность и независимость России, воссоздали Империю в новом историческом качестве. Формально выражая интересы рабочего класса, большевики действовали во многом созвучно коллективистскому сознанию крестьянства. Дело не только в легитимизации “черного передела” — большевики вернули народу причастность “почве”, установили твердую власть, осуществили социальную модель государства на общинных принципах: патернализм, авторитарный коллективизм (“демократический централизм”), всеобщая регламентация общественной жизни, даже календарь выходных и праздников и т.д. Вместо десакрализованной старой Идеи большевики смогли предложить массам Идею “новую”, не просто сменив имперский идеократический комплекс “Православие, Самодержавие, Народность” на аналогичный “Коммунизм, Диктатура, Партийность”, но и мобилизовав все основные формы народных утопий и мессианских ожиданий.

Практически все основные идеологемы большевизма можно представить в виде системы резонансных созвучий с соответствующими установками массового сознания, по схеме “свой – свой” [см. Марченя 2010: 95].

Главным ресурсом любой партии, претендующей на выражение воли народа, является сам народ. И этот ресурс большевики сумели мобилизовать. А их оппоненты, на словах выступавшие за “народовластие”, на деле продемонстрировали вопиющее непонимание собственного демоса, скомпрометировав саму идею демократии в России. По этому поводу сложно не согласиться с хлесткими выводами В.П. Булдакова, что “партии в России в концентрированном виде выражали набор интеллигентских утопий, доктринального прекраснотушения или сектантской оголтелости, а не являлись прагматичным оформлением интересов тех или иных социумов”, и что “российская многопартийность действительно выглядит воплощением своеобразной доктринальной шизофренической интеллигенции, а отнюдь не национально-консолидирующим, конструктивно-динамичным целым. Это своеобразный, порожденный имперским патернализмом ‘пустоцвет’, способный, однако, провоцировать смуту” [Булдаков 1997: 40, 41].

Таким образом, многие исследователи, в том числе и весьма далекие от идеализации большевиков, вынуждены были прийти к выводу: никакой “демократической альтернативы” большевизму тогда просто не существовало. И установление диктатуры в России стало естественной реакцией, в том числе на деятельность многочисленных российских партий.

“Эгоизму партий – выросшему над нуждой и страданием России...” [Розанов 1990: 388] и “политическому формализму, не желающему знать реального содержания человеческой жизни” [Бердяев 2007: 190], большевики противопоставили понимание объективной природы политической власти³, дорогой ценой положив конец многопартийной импотентности государства и “демократическому” раздиранию на части собственного общества. И вновь соединенный ими “разделившийся в себе дом” Империи устоял.

Даже враги большевиков, сравнивая плоды их однопартийной диктатуры и бесплодие “демократической многопартийности”, признавали: “Но представим себе даже, что, по какому-то невероятному сцеплению обстоятельств, восстание удалось, большевики свергнуты и Россию не разобрали в этот момент по кускам соседи и бывшие друзья. Что ждет нас на следующий день после восстания? Чья власть? Кто сменит большевиков? Кто будет тот, кто сумеет при еще несомненно ухудшившихся экономических условиях, при вновь развалившейся армии вывести страну из нового хаоса? Керенский? Кадеты, энесы, эсеры? Начнем сказку про белого бычка сначала? <...> Нет, все что угодно, но только не эти трупы!” [Чахотин 1992: 348-349].

Существует соблазн объяснить печальный опыт российской многопартийности столетней давности эффектом “первого блина” нашей новейшей истории – и вопреки собственной исторической практике продолжать следовать политической теории, обещающей непременно созидательную миссию многопартийности для всякого государства и общества.

³ “Власть потому и бессильна у нас, потому и не имеет престижа, что она партийна, что она – сторона в политической борьбе. Власть в России недостаточно государственна. Природа государственности объективная, выражающая разум общественной жизни народов, и она должна возвышаться над борьбой партий” [Бердяев 2007: 339]. “Для слишком многих Россию подменяет то или иное частное начало, групповое, партийное или отвлеченно-идейное” [там же: 486].

Однако приходится признать, что и следующий “блин вышел комом”. “Вторая волна” формирования многопартийности, легально захлестнувшая вдруг “открывшуюся” политическую систему СССР / России на рубеже 1980–1990-х годов, носила еще более явный деструктивный характер, чем даже полуподпольная многопартийность Российской империи начала XX в. Практически все тогдашние партии организовывались в пику КПСС (не только декларировавшей единство власти и народа, но и, в той или иной степени, реально его осуществлявшей), подрывали основы советского строя, дискредитировали императивы Советской империи – и разрушали саму Империю – и как специфическую форму единения власти и масс, и как конкретно-историческое государство. И в этом плане партии “капиталистической контрреволюции” выглядят (по крайней мере, по внешне наглядным “политическим результатам”) более эффективными, чем партии “социалистической революции”: коммунистическая держава оказалась развалена быстрее и внезапно, чем царская, причем, к счастью, без всякой мировой войны.

Несмотря на всю разницу этих двух исторически отработанных вариантов “многопартийности”, очевидна общность их реальной функции в отечественной политической истории: дезинтеграция социального целого, эскалация основных социальных конфликтов и прочих разрушительных интенций Смуты, уничтожение исторической имперской государственности, подготовка новых форм политической жизни (в которых, независимо от предположений партийных деятелей, места для партий, претендующих на какую-либо самостоятельную функцию, уже просто нет).

49

В отличие от двух предыдущих (сопровождаящих уничтожение Империи) сегодняшней, условно “третий”, вариант развития российской многопартийности отражает попытку сохранить видимость наличия последней для принципиально иной цели – укрепления государственной власти, дополнительной легитимизации восстановления Державы и выработки ее обновленных императивов.

Отыграв одну из первых скрипок в музыке разрушения, охватившей всю Российскую империю в начале прошлого века, а в конце его иерихонской трубой отревев для империи Советской, в веке настоящем отечественная многопартийность сыгралась в “маленький оркестрик” под управлением власти. К которой, впрочем, она имеет опосредованное отношение, радуя немногочисленную публику и редких ценителей нестройным, но связным звучанием провластных и “оппозиционных” песен (написанных порой одними и теми же “композиторами”).

Неслучайно действующим партиям в современной России абсолютное большинство населения доверяет еще меньше, чем это было век назад. Как и ранее, партийных программ не читает никто, кроме их составителей и представителей соответствующих ведомств. Политические партии и массы существуют совершенно в разных мирах, по своим жизненным смыслам не пересекаясь даже в дни выборов. Современные исследователи, вне зависимости от теоретических приоритетов в осмыслении института многопартийности, вынужденно приходят к принципиально значимому практическому выводу: “...курс на создание многопартийной системы широкой плюралистической ориентации не находит поддержки у подавляющего большинства россиян” [Козырева, Смирнов 2014: 76].

Итак, если в теории многопартийность призвана служить одним из важнейших элементов демократической политической системы, обеспечива-

ющим трансляцию интересов гражданского общества в сферу актуального внимания и конкретной деятельности государственной власти, то практика российской многопартийности – дважды за один век! – служила одним из действенных начал Смуты, демонтажа существовавшей системы взаимодействия власти и общества и ликвидации исторически сложившейся имперской государственности. А ныне она является декоративно-имитационным институтом, призванным демонстрировать соответствие “мировым” (западным) стандартам и придавать легитимность действующей власти и официальному публичному политическому пространству, в котором та заинтересована.

Сохраняя формальную многопартийность, современная российская власть не стала, подобно большевикам, резать священную корову западной демократии – она поставила ее в изолированное от реальной политики стойло, из которого та может позиционировать себя для широкой отечественной и зарубежной аудитории, не нарушая правил игры и не разрушая статус-кво. Хочется верить, что сегодняшняя российская власть способна учитывать уроки прошлого. И что, скорее всего, такой вариант “развития многопартийности” на нынешнем этапе истории действительно является менее губительным для государства и общества России (да и всего постсоветского пространства), чем любой другой. Но все же... Исследователям, во всяком случае, следует отделять мифы от реалий – и, по возможности, называть вещи своими именами.

Бакулин В.И. 2004. Между догмой, иллюзией и реальностью: меньшевизм в 1917 году. – *Отечественная история*. № 1. С. 69-83.

Бердяев Н.А. 2007. *Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922*. М.: Астрель. 1179 с.

Булдаков В.П. 1997. *Красная смута. Природа и последствия революционного насилия*. М.: РОССПЭН. 375 с.

Данилов М.В. 2006. *Исследование российской многопартийности: традиции и инновации*. Саратов: Издательство Саратовского университета. 169 с.

Кен О. 2002. Трагедия соперничающих невозможностей. – *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. № 2. С. 76-81.

Керенский А.Ф. 2005. *Русская революция. 1917*. М.: Центрполиграф. 384 с.

Козырева П.М., Смирнов А.И. 2014. Кризис многопартийности в России. – *Polis. Политические исследования*. № 4. С. 76-95. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.04.06>

Коргунок Ю.Г., Заславский С.Е. 1996. *Русская многопартийность: становление, функционирование, развитие*. М.: ИНДЕМ. 239 с.

Марченя П.П. 2008. Политические партии и массы в России 1917 года: массовое сознание как фактор революции. – *Россия и современный мир*. № 4. С. 82-99. Доступ: <http://users4496447.socionet.ru/files/partii.pdf> (проверено 07.12.2016)

Марченя П.П. 2010. Крестьянин и Империя: есть ли смысл у “русского бунта”? – *История в подробностях*. № 6. С. 88-96. Доступ: <http://users4496447.socionet.ru/files/krest.pdf> (проверено 07.12.2016).

Марченя П.П. 2013. Социалисты-революционеры в России 1917 года: неонародники без народа. – *Научный диалог*. № 12. С. 108-124. Доступ: <http://www.docme.ru/doc/225673/socialisty-revolucionery-v-rossii-1917-goda--neonarodniki...pdf> (проверено 07.12.2016).

Марченя П.П. 2015. Крестьянское сознание как доминанта Русской революции. – *Научный диалог*. № 12. С. 303-315. Доступ: <http://users4496447.socionet.ru/files/KS.pdf> (проверено 07.12.2016).

Многопартийность в России: зло или благо. Стенограмма “круглого стола”. 2005. — *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. № 3. С. 141-178. Доступ: <http://www.politex.info/content/view/165/30/> (проверено 17.12.2016).

Муштук О.З. 2014. *Российская многопартийность: демократический декор или реальный фактор политики? Аналитический обзор*. М.: Директ-Медиа. 90 с.

Пивоваров Ю.С. 2009. О русских революциях: Послесловие. — *Труды по русистике*. Вып. 1. М.: ИНИОН РАН. С. 21-67.

Политические партии в России: Конец XIX — первая треть XX в. Энциклопедия. Отв. ред. В.В. Шелохаев. 1996. М.: РОССПЭН. 872 с.

Протасов Л.Г. *Всероссийское Учредительное Собрание: История рождения и гибели*. 1997. М.: РОССПЭН. 368 с.

Рединская Т.В. 2006. *Партии и многопартийность в России в Новое и Новейшее время*. М.: Альфа. 198 с.

Розанов В.В. 1990. *Уединенное*. М.: Правда. 712 с.

Российские либералы: кадеты и октябристы (документы, воспоминания, публицистика). Сост. Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев. 1996. М.: РОССПЭН. 303 с.

Чухотин С.С. 1992. В Каноссу. — В *поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России*. М.: Русская книга. С. 342-356.

Чугров С.В. 1993. *Россия и Запад: метаморфозы взаимовосприятия*. М.: Наука. 192 с.

Critical Companion to the Russian Revolution, 1914-1921. Ed. by E. Acton, V. Cherniaev, W. Rosenberg. 1997. Bloomington: Indiana University Press. 782 p.

DOI: [10.17976/jpps/2017.01.05](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.05)

RUSSIAN MULTIPARTY SYSTEM: THE CRADLE OF CIVIL SOCIETY OR THE TOMB OF IMPERIAL STATEHOOD?

P.P. Marchenya¹

¹*Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia*

MARCHENYA Pavel Petrovich, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Russian State University for the Humanities. Email marchenyap@mail.ru

Marchenya P.P. Russian Multiparty System: the Cradle of Civil Society or the Tomb of Imperial Statehood? — *Polis. Political Studies*. 2017. No. 1. P. 41-52. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.05>

Received: 14.09.2016. Accepted: 23.10.2016

Abstract. The role of the multiparty system in the context of Russian troubles as a systemic crisis of the Empire is one of the key issues for understanding the mechanisms of destruction of Russian imperial state, which happened twice in the last century. The article criticized the theoretical positions that: 1) the multiparty system is a universal constructive factor of civil society development; 2) the mass position towards the parties is determined by comparing the party programs and people’s interests; 3) the interparty rivalry in Russia is carried out in the sphere of rational public policy. These provisions contradicted the Russian national practice: 1) the Russian multiparty system became one of the factors of the catastrophes, played an important role in the sad end of the Russian and Soviet empires; 2) in Russia, people didn’t use to read party programs and don’t do that now; 3) the real struggle of parties and “historical alternatives” takes place in mass consciousness, serving as the true dominant of political history of the Russian troubles. “Empire” is regarded as a special, adequate for mass consciousness form of unity of the power and the masses, and “the Time of Troubles” — as a temporary deconstructurization of the system of interaction between authorities and masses of the Empire, caused by the threat of interruption of historical continuity imperatives of state and civilizational identity. In the article three “waves” of the Russian multiparty system are identified and compared: 1) the beginning of the XX century; 2) the end of the XX century; 3) the beginning of the XXI century. The first and second options of national multiparty system are analyzed in the context of their role in the deaths of historical empires. The modern stage is interpreted in the context of the opposite of historical trends as the least harmful in this situation.

Keywords: Russian multiparty system; Russian crises; Russian revolutions; political parties, “the Time of Troubles”; Empire; masses; mass consciousness.

References

- Bakulin V.I. Between Dogma, Illusion and Reality: Menshevism in 1917. — *Otechestvennaja istorija*. 2004. No. 1. P. 69-83. (In Russ.)
- Berdyayev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: Publitsistika 1914-1922* [Fall of the Sacred Russian Kingdom: Current Writings: 1914-1922]. Moscow: Astrel' Publisher. 2007. 1179 p. (In Russ.)
- Buldakov V.P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [The Red Turmoil: The Nature and Aftermath of Revolutionary Violence]. Moscow: ROSSPEN. 1997. 375 p. (In Russ.)
- Chakhotin S.S. V Kanossu [In Canossa]. — *V poiskakh puti: Russkaya intelligentsiya i sud'by Rossii* [In Search of the Way: the Russian Intelligentsia and the Fate of Russia]. Moscow: Russkaya kniga. 1992. P. 342-356 (In Russ.)
- Chugrov S. *Rossiya i Zapad: metamorfozy vzaimovospriyatiya* [Russia and the West: Metamorphoses of Mutual Perception]. Moscow: Nauka. 1993. 192 p. (In Russ.)
- Critical Companion to the Russian Revolution, 1914-1921*. Ed. by E. Acton, V. Cherniaev, W. Rosenberg. Bloomington: Indiana University Press. 1997. 782 p.
- Danilov M.V. *Issledovanie rossiiskoi mnogopartiinosti: traditsii i innovatsii* [Research of the Russian Multiparty System: Tradition and Innovation]. Saratov: Saratov University Press. 2006. 169 p. (In Russ.)
- Ken O. Tragedy Rival Impossibilities. — *NZ: Debates on Politics and Culture*. 2002. No. 2. P. 76-81. (In Russ.)
- Kerenskiy A.F. *Russkaya revolyutsiya. 1917* [Russian Revolution of 1917]. Moscow: Tsentrpoligraf. 2005. 384 p. (In Russ.)
- Korgunyuk Yu.G., Zaslavskii S.E. *Rossiiskaya mnogopartiinost': stanovlenie, funkcionirovanie, razvitiye* [Russian Multi-party System: the Formation, Operation and Development]. Moscow: INDEM Publisher. 1996. 239 p. (In Russ.)
- Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Crisis of Russia's multiparty system. — *Polis. Political Studies*. 2014. No. 4. P. 76-95. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.04.06>
- Marchenya P.P. *Politicheskie partii i massy v Rossii 1917 goda: massovoe soznanie kak faktor revolyutsii* [Political Parties and the Common People in Russia, 1917: Collective Consciousness as a Factor of the Revolution]. — *Russia and the Contemporary World*. 2008. No. 4. P. 82-99 (In Russ.) URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/partii.pdf> (accessed: 07.12.2016).
- Marchenya P.P. Krest'yanin i Imperiya: est' li smysl u “russkogo bunta”? [Peasant and Empire: Is There any Sense in “Russian Revolt”?]. — *Istoriya v podrobnostyakh*. 2010. No. 6. P. 88-96. (In Russ.) URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/krest.pdf> (accessed: 07.12.2016).
- Marchenya P.P. Socialists Revolutionaries in Russia in 1917: Neopopulists without People]. — *Nauchnyi dialog*. 2013. No. 12. P. 108-124 (In Russ.) URL: <http://www.docme.ru/doc/225673/socialisty-revolucionery-v-rossii-1917-goda--neonarodniki...pdf> (accessed: 07.12.2016).
- Marchenya P.P. Peasant Consciousness as Russian Revolution Dominant. — *Nauchnyi dialog*. 2015. No. 12. P. 303-315. (In Russ.) URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/KS.pdf> (accessed: 07.12.2016).
- Mushtuk O.Z. *Rossiiskaya mnogopartiinost': demokraticeskii dekor ili real'nyi faktor politiki? Analiticheskii obzor* [Russian Multi-party System: a Democratic Decor or Real Factor in Politics? Analytical Review]. Moscow: Direkt-Media Publisher. 2014. 90 p. (In Russ.)
- Pivovarov Yu.S. The Russian Revolution: Epilogue. — *Trudy po rossiavedeniyu*. Issue 1. Moscow: INION RAN. 2009. P. 21-67. (In Russ.)
- Politicheskie partii v Rossii: Konets XIX — pervaya tret' XX v. Entsiklopediya*. Otv. red. V.V. Shelokhaev [Political Parties in Russia: End of XIX — the First Third of the XX Century. Encyclopedia. Ed. by V.V. Shelokhaev]. 1996. Moscow: ROSSPEN. 872 p. (In Russ.)
- Protasov L.G. *Vserossiiskoe Uchreditel'noe Sobranie: Istoriya rozhdeniya i gibeli* [All-Russian Constituent Assembly: The History of Birth and Death]. Moscow: ROSSPEN. 1997. 872 p. (In Russ.)
- Redinskaya T.V. 2006. *Partii i mnogopartiinost' v Rossii v Novoe i Noveishee vremya* [Party and a Multiparty System in Russia in the Modern and Contemporary Times]. Moscow: Al'fa Publisher. 198 p. (In Russ.)
- Rossiiskie liberaly: kadety i oktyabristy (dokumenty, vospominaniya, publitsistika)*. Sost. D.B. Pavlov, V.V. Shelokhaev [Russian Liberals: Cadets and Octobrists (Documents, Memoirs, Journalism). Compilers D.B. Pavlov, V.V. Shelokhaev]. 1996. Moscow: ROSSPEN. 303 p. (In Russ.)
- Rozanov V.V. *Uedinennoe* [Secluded]. Moscow: Pravda Publisher. 1990. 712 p. (In Russ.)
- Mnogopartiinost' v Rossii: zlo ili blago. Stenogramma “kruglogo stola”* [Multiparty System in Russia: the Evil or Good. Transcript of the “Round Table”]. — *Political Expertise: POLITEX*. 2005. No. 3. P. 141-178 (In Russ.) URL: <http://www.politex.info/content/view/165/30/> (accessed: 17.12.2016).